УДК 7.035; 7.07
ББК 85.103(3)
DOI: 10.51678/2073-316X-2026-1-220-225

Михаил Алленов

Про *как бы* искусствоведение

Публикуемый текст М. М. Алленова (1942–2018) представляет собой пародию на ученическую (студенческую и не только) искусствоведческую статью, состоящую из штампов, банальностей, косноязычных оборотов и слов-паразитов. Он, конечно, не предназначался для «Искусствознания» — в 2004 году он вышел в журнале «Артхроника» (№ 3) в сопровождении трех коллажей, сделанных Е. А. Алленовой.
Нам кажется, что шутка Алленова и до сих пор остается актуальной, а потому — смешной: подобные *как бы* статьи появляются достаточно регулярно. Поэтому, а также потому, что текст Алленова недоступен в интернете, мы решили републиковать его (вместе с коллажами) в качестве эпилога к юбилейному номеру нашего журнала.
Текст и коллажи публикуются с разрешения Архива семьи Алленовых. Текст также войдет в сборник статей М. М. Алленова и Е. М. Алленовой, готовящийся в рамках издательской программы МСИ «Гараж».

Ключевые слова:

М. М. Алленов, Е. А. Алленова, искусствознание, педагогика, *как бы*.

Разговаривали (дело было где-то в середине 1980-х) с моим другом и коллегой Иваном Чечотом о своем педагогическом житье-бытье на искусствоведческих кафедрах (он в Ленинградском университете, я — в Московском). Между прочим, выяснилось одно общее обстоятельство: перенасыщенность студенческих работ и словоговорений расхожими штампами современного сленга вообще и гуманитарного в частности — всеми этими «как бы», «довлеет над», равно как и такими грамматическими наваждениями, как падёж родительных падежей (над которым в свое время иронизировал Набоков), или же неточным цитированием. *Кажется, согласились, что все это не так уж безобидно.* Стилистической неряшливости симметрична леность мысли — пристанище пошлости, а «лукавое косноязычие», в свою очередь, — надежное прикрытие интеллектуальной безответственности и каверзное орудие демагогической, а там и идеологической агрессии. Борьба с бессмертной пошлостью людской в стенах академических аудиторий — род педагогического донкихотства. *Разумеется, лучший способ изжить связанное с этим уныние — рассмеяться.* Вспомнили великих, например, флоберовский «Словарь прописных истин». Для начала решили составить словарик этих стилистических казусов. Составили, забыли, разъехались. Некоторое время спустя мне попался на глаза тот конспектик, и я решил собрать из него связный текст, сплошь, насколько возможно, состоящий из оных смешных глупостей. *Итак*:

> Данная порубежная эпоха отличалась сложностью и противоречивостью, она была диаметрально противоположна всем предыдущим и последующим. Как бы видишь: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Как бы слышишь «музыку революции». Как бы чуешь «невиданные перемены, неслыханные мятежи». Состояние исторического макрокосма было угрожающим. В микрокосме человеческой души тоже было неладно. Уже Петр «Россию вздернул на дыбу». И вот, не прошло

1. Екатерина Алленова
Коллаж к статье М. М. Алленова
«Про *как бы* искусствоведение»
в журнале *Артхроника*
(2004. № 3. С. 32)

еще и двухсот лет, как, по словам Ленина, она стала «беременна революцией». И этому как бы веришь!

Наблюдается крутой подъем общественного самосознания. В борениях революционной художнической мысли на передний план выходит личностный подход. Художественная ткань на полотнах крупнейших мастеров приобретает какую-то особую, повышенную напряженность.

Сложное, противоречивое время... Мастера кисти и пера глобально выходят на мировоззренческие основы. Четко прослеживается курс на максимально обобщенное звучание слагаемых образно-семантической структуры. Думается, не случайно в колористических решениях тех или иных художников видно наслажденческое начало, которое приобретает от этого небывалую смысловую нагрузку.

Особо хочется сказать о колорите, который в принципе дает особую эмоциональную окраску, раскрывая глубинные содержательно-смысловые пласты. Где-то, по большому счету, это уже было. Сквозь образную ткань наиболее крупных холстов красной нитью проходит тема гражданственности в многоразличных ассоциативных рядах. Отсюда ее (художественной ткани) особое, подчас революционное звучание. Глубинный смысл всех этих исканий весьма неоднозначен. Здесь мы выходим на проблему старого в новом и нового в старом. С одной стороны, нельзя не отметить какую-то особую тягу к новациям в русле мифологизации, театрализации и, если вам угодно, сакрализации с нотами карнавализации.

С другой стороны, с подачи А. А. Федорова-Давыдова, весь этот спектр проблем представляется сквозь призму многоразличных традиций, обойма которых, в фарватере личностного подхода, становится как никогда обширной. Думается, что указанная неоднозначность отмеченных выше новаций сказывается также в сложности, а порой и противоречивости художнических решений, в их особо повышенной эмоциональной устремленности. В образной ткани таких крупных холстов, как, например, «Вдвоем с королем у водоема», эмоциональное начало взаимно переплетается с интеллектуальным, а острота характеристики просто поражает. А такое эпохальное полотно, как «Тишь. Желтые крыши», с его иератической застылостью и перцептивной

2–3. Екатерина Алленова
Коллажы к статье М. М. Алленова «Про *как бы* искусствоведение» в журнале *Артхроника* (2004. № 3. С. 33)

установкой на экспрессивно-выразительные потенции уже прямо имеет своей оборотной стороной повышенный интерес к рациональному началу, что смотрится особенно актуально. В принципе здесь можно говорить и о единстве формы и содержания, когда за счет колорита одно перетекает в другое. Налицо тяга к максимальному обобщению; образ подан в подчеркнуто условном ключе, но все это здесь смотрится как две стороны одной медали. И, что характерно, с той и сдругой стороны упор делается на личностное начало. А решение линий и пятен узора кружев платья и красок колорита пейзажа знаменитой сцены известной оперы друга замечательной певицы и ее мужа символиста Михаила Врубеля композитора Римского-Корсакова объективно убеждает, что дионисийское начало начинает довлеть над началами всех прочих начал, например реалистического и особенно патриотического. В таком разрезе видится на сегодняшний день в контексте возрождения русской духовности общий настрой данной эпохи.

В заключение хочется кончить словами любимого поэта замечательного художника, иллюстрировавшего его: «И жизнь, как посмотришь... такая тупая и глупая шутка». Это шуточное начало взяло на вооружение поколение художников более близкой нашей эпохе эпохи из левого фланга правого крыла будущего авангарда, например, в произведениях типа «Лучистый петух», который как бы всеми своими лучами чуть не сто раз кряду прокричал творческое кредо художников этого поколения: «Улица лежит безъязыкая, нечем ей разговаривать». Только кто кому в конце концов дал, в смысле язык, — художники улице или она им — вопрос. Или *that is the question*.

Михаил Алленов, доктор-искусствовед